

Принцесса Маринки

Новая примадонна оперного Петербурга Анна Нетребко получила в подарок бенефис – премьеру «Травиаты» Верди

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

— Вам нравится быть звездой?

— Не знаю, звездой себя пока еще не почувствовала. Но, если люди так думают, это здорово. Полагаю, мне крупно повезло, я довольно успешно занимаюсь тем делом, которое люблю. И я надеюсь, что достигну еще большего.

— Чего именно?

— Буду петь исключительно в лучших театрах мира с классными партнерами и дирижерами. И только те оперы, которые мне нравятся, — разные и не только русские, точнее, русские почти не буду.

— Почему так?

— Потому что для моего голоса очень мало хороших русских опер написано. Их можно просто по пальцам одной руки пересчитать. Петь всю жизнь Шамаханскую царицу я не хочу, а если согласишься петь русские оперы, тебя на них посадят навечно. Что первое мне предложили в Metropolitan? «Евгения Онегина». Они даже написали мое имя в афише следующего года. Им все равно, по голосу мне это или нет. Я смогла бы, но зачем? Я абсолютно не Татьяна. Потом мне уже предложили в Metropolitan контракт на западные оперы — «Дон Паскуале» и «Богема». Это большая победа.

— Ваши любимые роли?

— Те, где есть характер. Я не люблю, когда не знаю, что мне делать на сцене. Например, я не знаю, что делать, будучи Церлиной в «Дон Жуане», потому что мне в принципе этот характер никак не близок, я ее никак не понимаю, попросту считаю ее глупой. Но, слава Богу, о других моцартовских героинях это сказать нельзя. Я очень люблю другую свою героиню в «Дон Жуане» — Донну Анну.

— А как насчет Виолетты в вердиевской «Травиате»?

— Виолетта — одна из самых трудных ролей в оперном репертуаре. Мало того, что ее очень трудно спеть, но и тяжело сыграть. Должны быть обязательно две равноправные составляющие в образе: вокал и драматическая игра. Я уже пыталась петь Виолетту еще в своем «оперном детстве» в Оперной студии консерватории. И тогда я была далека от удач. И позже в Мариинском театре — в концертном исполнении. После зареклась ни за что больше в сторону «Травиаты» не смотреть. Она написана для более крепкого, вердиевского голоса. А поначалу эмоции обрушились на меня, и я не могла петь, я еле доживала до конца оперы. Я долго не могла соединить чувства с голосом, это очень трудно, этому надо учиться. Когда говорят, что все надо пропускать через себя по Станиславскому, — чушь, ерунда, абсолютно. Певец должен быть холодным, расчётливым, абсолютно спокойным, добавлять эмоции только иногда, в четкие расчитанные моменты. Следует хорошо взвесить все «за» и «против», прежде чем превращаться в Виолетту.

— На Западе принято характеризовать русских певцов пренебрежительным определением «славянский голос». Вас это не корбит?

— Запад действительно очень осторожно относится к русским певцам, когда дело касается русского репертуара, потому что не все верно у нас со стилем, с вокальной техникой и языком. И надо очень сильно поработать, чтобы на тебя смотрели нормально, без репертуарных отговорок. Но сейчас по сравнению с десятилетней давностью уровень пения русских резко скакнул вверх. Но, с другой стороны, сегодня для русских уже нет того «зеленого коридора», который был в конце 80-х — начале 90-х.

— Взаимопонимание с менеджерами — это легкий для вас вопрос?

— Когда в 98-м году встал вопрос о том, чтобы мне найти агента, я обратилась в оперу Сан-Франциско. Мне посоветовали Джеффри Лазаруса из Columbia Artists. Он зашел, и я говорю: о, какой handsome, красивый, блондин голубоглазый. И решила: хорошо, берем его, потому что он симпатичный. Вот так я и выбрала себе агента. Мне повезло, он потрясающий агент, он решает все проблемы, только благодаря ему у меня так быстро стала развиваться карьера. Все случилось в моей жизни вперед моих ожиданий. Ой, как все быстро. Я даже не успела пострадать, подождала! Хотя сегодня конкуренция среди певцов большая, особенно в моем голосе. Но

Этого спектакля Санкт-Петербург ждал больше года. И вот, наконец, афиши с портретом красавицы возвестили по всему городу «Анна Нетребко и Валерий Гергиев: «Травиата» Верди». Анна Нетребко уже давно числится в любимицах марининской публики. Однако только после того, как певица открыла свой звездный счет в мировых музыкальных столицах (в Нью-Йорке, на сцене Metropolitan она явилась обворожительной Наташей Ростовской в «Воине и мире» Прокофьева, затем блистательно завоевала моцартовскую территорию, исполнив Донну Анну в «Дон Жуане» на Зальцбургском фестивале, и следом Сервилию в Covent Garden и Иллиу в «Идоменею» в Вашингтоне), максималист Гергиев позволил ей и дома быть примадонной, подарив премьеру «Травиаты».

Французская постановочная команда (режиссер Шарль Рубо, сценограф Бернар Арно и художница по костюмам Катя Дюфло) завершила историю любви и смерти прелестной куртизанки в километры шелка и бархата. И дальше самоустранилась. Обнаружить какую-либо режиссерскую волю на фоне эпизодически возникающего черно-белого парижского пейзажа было невозможно. Не считать же за та-

кую несколько откровенных цитат из знаменитого фильма Франко Дзеффирелли и постановки Covent Garden 1994 года.

Все герои оказались представлены сами себе. Очаровательная Виолетта Анны Нетребко совсем не была похожа на «заблудшую» и «падшую», что подразумевает дословный перевод с итальянского la traviata. Похоже, юная особа, меняя роскошные платья и кружась в вальсе, лишь играла в любовь от томительной скуки салонной жизни, параллельно забавляя себя и публику маленькими трюками — такими, как избавление от надоевших туфель в эффектной прыжке. Публика замирает в изумлении и готова простить «проказнице» отсутствие ожидаемого, но, впрочем, не обозначенной в авторской партитуре верхней ноты. Легкое сопрано Нетребко пока чувствует себя не очень уверенно в вердиевских пределах. Но жизнь ее героини, полная веселья и забав, течет легко и просто. А нагрянувшее вдруг непонятное беспokoящее чувство — любовь, кажется, таким же временным неудобством, как банальный насморк. Тем более что любить красавице в этом спектакле было явно некого.

Бесславный канадский тенор Марк Эрвье, мучивший роль влюбленного Альфреда, по дороге к финальной развязке растерял больше половины своей партии. Кто действительно достоин симпатий Виолетты, так это заблудливый отец Жорж Жермон. Элегантный баритон Василий Герелло демонстрирует настоящую вердиевскую породу и, несмотря на очевидное самодовольство певца, претворяющее создание убедительного образа, получает в награду аплодисментов не меньше бенефициантки, которую в этом спектакле по-настоящему любит только оркестр под управлением Валерия Гергиева. Он преданно следует за ней и лишь в симфонических фрагментах позволяет себе свободу в мощи и яркости звучания.

Главная в спектакле, как и положено звезде, Анна Нетребко, которая теперь редко появляется в родной Маринке. Уже в январе ее ждут в Нью-Йорке. На сцене Metropolitan она будет петь Церлину в моцартовском «Дон Жуане». Звездная карьера певицы набирает обороты.

После премьеры «Травиаты» Анна Нетребко дала интервью «Новым Известиям».

МАРИЯ БАБАЛОВА

Columbia Artists — агентство, которое может сделать все, что угодно, если захочет. Крайний мой контракт — это 2006 год. Хотя мне странно, когда заключают контракты на пять лет вперед. Кто может знать, сможет ли певец спеть эту партию через столько лет? Но надеюсь, что до 2006-го я еще дотяну.

— Как вы думаете, сегодня быть оперной певицей — это модно?

— Я думаю, что да, в этом есть какой-то cool. Но в детстве я хотела быть драматической актрисой. Grammy, например, кому он нужен, а вот Oscar — я понимаю, это круто! Надеть туфли за миллион долларов, платье обалденное haute couture, выйти на сцену — и истерика на пять минут для всего мира... Мне всегда хотелось оказаться в Голливуде и получить своего «Оскара». Правда, где только я не появляюсь, везде спрашивают: «Кто вы такая? Киноактриса?» — «Нет, — отвечаю, — я оперная певица». «Да, вы что?! — не верят мне. — Они же все толстые!».

— А вы следите за фигурой?

— Вообще у меня спортивная закладка хорошая: я кандидат в мастера спорта по акробатике и имею разряды по легкой атлетике. Недавно увлеклась большим теннисом. После 27 лет поняла, что надо себя ограничивать. Жрать хочется все время. Я не знаток всяких диет, но уже сообщаю, что можно есть, а что нельзя. То есть, допустим, если ты пойдешь в ресторан и съешь просто кусок мяса, большой, классный такой кусок мяса, это очень здорово, ты от этого никогда не поправишься, будет только энергия. Или рыбу замечательную. Обязательно надо есть, только надо есть умно. Что с чем сочетается, что с чем не сочетается. Не есть на ночь, как я вчера, до трех часов, пироги!.. Стараюсь себя ограничивать, не есть много хлеба.

А хлеб с маслом — вообще нездорово. Я очень люблю белую булку с маслом. И когда плохое настроение, иногда думаешь: а пошли все на фиг... Буду есть!

— У вас часто бывает плохое настроение?

— Нет. Но бывает иногда — просыпаешься и ненавидишь все. Просто хочу сегодня быть плохой. Плохой, плохой, плохой.

— Вам нравится быть плохой?

— Нет. Я хорошая. У меня положительная энергия. Я такой человек, который отдает людям. Мне нравится, я так привыкла.

Мне очень нравится дарить подарки, гораздо больше, чем получать. Я даже не так много получаю их в своей жизни. Ну, и хорошо, я не расстраиваюсь. Не могу сказать, что я такая уж тщеславная. Хотя, конечно, приятны цветы, аплодисменты, комплименты. И кто из артистов скажет, что все это ему безразлично — наврет, потому что ты отдаешь себя и, естественно, хочешь знать, понравился или нет...

— Какой самый фантастический подарок сделал вам какой-нибудь поклонник?

— Один поклонник на благотворительном аукционе купил «ужин с Анной Нетребко» за тысячу долларов. Когда меня поставили перед фактом, что я должна прибыть, я была очень расстроена. Для меня это дикость. Но я взяла себя в руки и была мила, даже тосты какие-то произносила, когда гости пили русскую водку. Был у меня и другой сумасшедший поклонник. Индийский профессор из Вашингтона. Совершенно ненормальный, старенький уже. Я не знаю, сколько ему лет, я по индусам не могу сказать. Он меня заваливал подарками. Один раз он приехал на мой концерт в Сан-Франциско и привез мне подарков на тысячи долларов. Там было все, даже подарки моей сестре, моей маме. Я растерялась, не знала, что делать. Я так испугалась. Потому что сразу чувствуешь себя неловко — обязанной. Но я с ним дружила особой не завязала. Есть люди, которых близко подпускать нельзя. Правда, не думаю, чтобы он мне что-то плохое сделал, но все-таки это было уже слишком.

— Вы планируете продолжать жить в Петербурге или все-таки обонуетесь где-нибудь за границей, как это сделали абсолютное большинство ваших успешных коллег?

— С 16 лет я живу в Питере. Но с начала нынешнего года я провела здесь не больше двух месяцев в общей сложности. Когда я возвращаюсь, мне все говорят: ты стала какая-то поверхностная, американская. А просто надо стараться радоваться жизни. Правда, это тяжело делать в Петербурге, потому что там шесть месяцев в году зима, мгла и три цвета: коричневый, черный и серый.

Хотелось бы, наконец, где-то обосноваться. Но пока я не знаю, где. На данный момент у меня полная неясность с личной жи-

зней. Мой boyfriend — итальянец, но он тоже певец и все время разъезжает по миру. Он обожает Россию и старательно учит русский язык. Недавно я и квартиру в Петербурге купила. Я ужасная транжира.

— Вы собираетесь начать семейную жизнь?

— Нет. Я еще не нагулялась. Я не хочу сейчас себя ничем связывать. Семья — это дети, а у меня пока нет чувства материнства. Наверное, появится через какое-то время. Но пока я не хочу думать о том, что у меня где-то ребенок, к которому надо возвращаться, заботиться. Это помешает моей карьере. Я очень свободолюбивый человек. Я была всегда такая. Сегодня я здесь, а завтра там.

— А какая страна вам нравится больше всего?

— Америка — безумно интересная страна. Там все намешано. В Америке не чувствуешь себя иностранкой, особенно в Нью-Йорке. Потрясающее разнообразие всего. Там можно найти все, что угодно. В Нью-Йорк со всего мира съехались самые энергичные и успешные люди. И мне нравится ощущать себя в кругу этой энергии, которая вертит землю. Думаю, что Нью-Йорк может не нравиться только каким-нибудь старым козлам, которые всю жизнь провели в деревне. А для молодых — это восторг! Бесконечные ночные клубы, по которым я путешествовала безвылазно. Дискотеки, танцы живота, стриптиз-клубы. Забрела в один безумный маленький бар страшного вида в каком-то заброшенном жутком районе. Там под конец, часа в три ночи, когда уже все пьяные, женщины начинают раздеваться и бросать свои лифчики на вешалки. Вся стенка увешана лифчиками Джулии Роберте, Памелы Андерсон и других знаменитостей, покрытыми головной пылью. Я свой не снимала. Там еще надо его суметь забросить...

Я очень люблю приключения. Обожаю сумасшедшие навороженные американские горки. Дикая скорость, и все вокруг летает!

— То есть никакого голосового режима?

— Когда я была моложе, лет 25–26, я могла абсолютно спокойно всю ночь напролет гулять, не спать, потом на следующее утро встать, спеть какую-нибудь песенку или концерт без проблем. А сейчас уже надо быть форме. И в Нью-Йорке при том всем,

что я ходила по барам, я держала себя очень осторожно. Сейчас выросли и нагрузка, и ответственность. Надо голое беречь. Отказываться от запланированного выступления уже я не могу. Это будет стоить мне очень больших денег. Десять спектаклей в Metropolitan «Войны и мира» — это очень серьезное дело. Так что лучше держать себя в режиме. А так хотелось кокаин попробовать!

— Вам не хватает в жизни ярких ощущений?

— Да нет, хватает. Кокаин — это шутка. Сцена — большой стресс, который надо научиться переживать. Каникул у меня практически не бывает, а отдыхать надо. В прошлом году очень сильно переработала. У меня же было несчастье такое. Я же должна была петь в La Scala «Риголетто». Но как раз к тому моменту, когда я оказалась в Милане, я довела себя работой до такого состояния, что мой организм просто остановился — абсолютный гипотонус. Все тело, в том числе и связки, не могут работать. А я приехала и репетировала со страшным и ужасным Риккардо Мути. Он очень большой напряг для певцов. Хотя все, что он говорит, абсолютно гениально. Я рада, что я с ним встретила, сватила от него все, что могла. Но спектакль я не пела к обоюдному согласию, хотя до последнего надеялась, что я все-таки один спою. Очень грустно, но таким образом я осталась и без записи. Только месячный отдых где-нибудь на курорте мог вылететь. Но я еще полгода пела в таком непонятном состоянии.

— И как вы боретесь со стрессом?

— Я люблю хорошо поесть, мне нравятся хорошие рестораны и очень люблю ходить по магазинам. Люблю сумасшедшие одежды иногда. Что-нибудь такое чокнутое напялить. У меня есть какие-то вещи от серьезных дизайнеров, но, как правило, они мне не идут. Я предпочитаю что-нибудь менее раскрученное. У меня масса одежды, у меня ломаются шкафы, и ничего не помещается. Я не знаю, что мне делать с этим, особенно эти концертные платья, которые просто не влезают никому.

— А бриллианты любите?

— Купила. Заставила себя, потому что мне иногда приходится бывать на разных приемах, где надо выглядеть достойно. А я люб-

лю бижутерию. Я все время ношу бижутерию, сделанную под античную. Она такая дорогая, бижутерия, но ничего. Я люблю вообще все античное. У меня платье есть антикварное, очень его люблю.

— А как насчет мехов?

— Соболей нет, это очень дорого, пока не могу себе позволить. Но у меня есть хорошая норковая шуба, большая, с капюшоном. Она выглядит очень скромно — черная, простая. Думаю, что она долго мне прослужит. Главное, чтобы мне не было холодно, потому что в Питере я постоянно мерзну. Но должна сказать, что, когда я думала, куда поехать учиться из своего теплого Краснодара, я сама выбрала Петербург. Он мне ближе по духу, чем Москва.

— И вы никогда не было мечты спеть в Большом театре?

— Большой театр есть Большой театр. Но, мне кажется, что он слишком консервативный. И из-за этого он, я не хочу сказать, что не двигается вперед, но как-то отстает от времени. Нет этих свежих решений, сумасшедших, как в Мариинском театре, у Валерия Гергиева: сегодня одно, завтра другое.

— В каком театре вам больше всего нравится выступать?

— Естественно, я люблю мой родной Мариинский театр. Как же иначе. Когда я училась в консерватории на первых курсах, я работала в Мариинском театре даже уборщицей. Но, конечно, я в восторге от Metropolitan. Но я не столь амбициозна, чтобы связывать свои планы исключительно с великими театрами — Met, La Scala или Covent Garden. Но капризная примадонна — это стереотип двадцатилетней давности. По-моему, смешно, когда человек надевает маску и изо всех сил что-то из себя корчит, изображает неземное. Зачем это? Самое ценное в жизни — это непосредственность. В принципе я могу петь абсолютно в любом театре. Неважно, большой он или маленький. Если только постановка мне интересна, я с удовольствием буду петь вне зависимости от величины гонорара. Денги у меня есть, я хорошо зарабатываю. Только я очень не люблю участвовать в постановке, когда певцы просто не готовы, они ленивы и ошибаются. Меня раздражает, когда люди плохо поют да к тому же постоянно опаздывают. И желательно, чтобы оркестр играл не очень фальшиво.

— В вас сидит комплекс отличницы?

— Нет. В школе училась крайне средне. Делала только то, что мне нравилось. У меня было прекрасно по литературе, истории, философии без малейших проблем. А все остальное было «три, два, три. Алгебра — чистая «двойка», совсем не понимала. Химия — абсолютный ноль. Вошло в одно око, улетело в другое. Но все, что есть моя профессия, — это святое. Хотя, конечно, надо стараться поддерживать хорошие отношения с коллегами, иначе ничего путного не получится. За границей все делают вид, что очень хорошо друг к другу относятся. Какие-нибудь экзессы — редкость. Но мне все же очень не хочется портить свой слух ужасным пением и тратить силы на споры с неинтересным режиссером.

— Вы часто спорите с режиссерами?

— Иногда бывает. Например, я очень много спорила с Андреем Кончаловским на постановке «Войны и мира». Он хотел сделать из Наташи маленькую девочку. Я протестовала изо всех сил. Она ребенок, да, но прежде всего она была очень счастливым человеком, и она любила всех, обожала весь мир.

— Это режиссеры такие плохие или певцы несговорчивые?

— Певцы несговорчивые! У меня появилась какая-то упертость. Я знаю, как надо делать эту партию, знаю и все!

— Откуда?

— Это интуиция, чутье, которое возникает, когда я всматриваюсь в текст, в ноты, у меня начинает рождаться своя концепция. Иногда это идет совершенно вразрез с тем, чего хочет режиссер, и тогда это не очень хорошо. Но в основном мне всегда очень везло, потому что режиссеры мне попадались покладистые. Хотя мне уже надоело, я все время играю этихих принцесс. Так до старости и останусь в принцессах.

— Разве это плохо быть принцессой?

— Очень скучно.

21.11.02

Нетребко Анна

2002

2002